
А.Б. Арсеньев

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ (1919–1990-е гг.)¹

ПРИБЫТИЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Гонимые последствиями Первой мировой и Гражданской войн, беженцы из России прибывали на Балканы с 1919 по 1924 г. в группах или одиночками. Самую многочисленную «крымскую эвакуацию» из черноморских портов (ноябрь 1920 г.) составляли части Русской (Белой) армии генерала Петра Николаевича Врангеля и гражданские лица — семьи офицеров, административный персонал южных городов России, учебные заведения (в полном составе), вдовы, детские приюты, военные инвалиды.

Отсталое и в войнах 1912–1918 гг. опустошенное молодое Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) приняло беженцев гостеприимнее любой страны Европы и в рамках своих возможностей предоставило им помощь и убежище. Этому способствовали молодой православный монарх король Александр I Карагеоргиевич, иерархи Сербской православной церкви и влиятельные представители интеллигенции. Давая временное (как считалось) прибежище этим пришельцам, сербы выражали свою признательность России за союзническую поддержку в войне с агрессорами.

До середины 1922 г. в адриатических портах высадилось и по железной дороге прибыло (из Салоник и Софии) примерно 45 тыс. беженцев. Из временных пунктов сосредоточения их вскоре направляли во все районы страны. Пришельцы ожидали падения большевиков и лелеяли надежду на свое скорое возвращение на родину. Однако статус советской России в мире укрепился в результате ее признания со стороны великих государств (Королевство Югославия было последней страной в Европе, которое признало СССР — в июне 1940 г.).

Беженцы постепенно преобразуются в политических эмигрантов, сплывают свои ряды и стремятся улучшить свои материальные и бытовые условия. В первые месяцы они принимали денежные пособия от *Государственной комиссии по оказанию помощи русским беженцам*. Это было своего рода министерство, которое позднее предоставляло ссуды только русским учебным заведениям, студенческим общежитиям, старческим и инвалидным приютам, некоторым культурным организациям.

¹ Автор благодарит Татьяну Витальевну Пушкадия-Рыбкину (Хорватия), Ростислава Владимировича Полчанинова (США), Валентина Николаевича Мантулина (США), Михаила Кирилловича Гевеского (США), Сергея Сергеевича Беляева (США), Владимира Александровича Осипова (Франция) и Зорана Мачкича (Зоран Мачкић; Босния и Герцеговина — Республика Сербская) за помощь в написании этой статьи.

Самая многочисленная группа русских, примерно 10 тыс., осела в Белграде и его окрестностях. В более благоприятных условиях оказалась университетская профессура, инженеры, врачи, артисты. Благодаря этим русским ряд сербских хозяйственных и культурных организаций мог восстановить свою работу. На более высокий уровень поднялось университетское преподавание. Русские были основателями первых в стране научных институтов: микробиологии, педологии, криминалистики, византистики и др. Были созданы условия для открытия факультетов в городах Скопле (ныне Скопье) и Суботица, создания оперных и балетных трупп в Белграде и Нови-Саде. Русские содействовали интенсивному строительству в Белграде и провинциальных городах, внесли вклад в развитие авиации, сельского и водного хозяйства, здравоохранения, в упорядочение законодательства, православных приходов, монастырей и женского монашества, исследовали культурную историю и природу Балканского полуострова.

В начале 1920-х гг. значительный вклад русские внесли в восстановление хозяйства и административного аппарата Королевства СХС — как в отсталых и войнами опустошенных районах (на юге и востоке), так и на территориях, до тех пор входивших в состав Австро-Венгрии, в особенности в местах с чистым этническим (неславянским и неправославным) населением. В лице беженцев государство приобрело квалифицированные и лояльные кадры. Подавляющее большинство русских эмигрантов имели среднее и высшее образование, владели иностранными языками, довольствовались скромным жалованьем и жильем. Со временем они все-таки стремились поступить на более подходящее их образованию место и попасть в более культурную среду. Часть уехала в другие европейские страны. Миграционные процессы не дают возможности провести более точный подсчет количества проживавших в каждой русской колонии, которых в Югославии было около трехсот.

АДАПТАЦИЯ И ТРУДОУСТРОЙСТВО

В центральные районы страны, Боснию и Герцеговину, русские беженцы чаще всего прибывали из портов в Бока-Которской бухте и из Дубровника. После короткого карантина их направляли далее по государственной узкоколейной железной дороге Зеленика — Дубровник — Мостар — Сараево — Добой — Босански-Брод, а из Сараева по железным дорогам в направлении Вишеграда и Травника².

Согласно переписи населения Королевства СХС, проведенной 31 января 1921 г. в Боснии и Герцеговине проживало 1 млн 870 тыс. жителей (820 тыс. православных, 586 тыс. мусульман, 440 тыс. римо-католиков, 11 тыс. евреев, 9 тыс. греко-католиков)³ и уже было зарегистрировано 2636 беженцев из России: Сараево — 762, Банялука (Баня-Лука) — 485, Требинье — 590, Мостар — 190, Дервента — 162,

² См.: *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. С. 198.

³ См.: Српска ријеч. Радикални лист (Сарајево). 1922. 20. април.

Добой — 132, Тузла — 107, Брчко — 97, Травник — 61, Биелина — 58, Зеница — 58, Зворник — 45 и т. д.⁴

Преобладающее большинство русских, оказавшихся в Боснии и Герцеговине, были офицерами и солдатами Русской армии, но среди них были и инженеры, техники, геодезисты, топографы, врачи, чиновники, педагоги. Чины армии (в их составе были кубанские и донские казаки) были направлены на строительство железной дороги Бихач — Босанска-Крупа, выкорчевывание лесов, лесопосадки на пустырях и добычу железной руды, а инженеры и техники — на трассирование и контроль над строительством участков железной дороги Сараево — Белград. В середине 1920-х гг. русская рабочая сила была использована и для постройки Унской железной дороги в области Врбас. Группа донских казаков формировала свою станицу в г. Требинье (атаман Гордеев)⁵.

Государственная комиссия по оказанию помощи русским беженцам во многих городах Боснии и Герцеговины открыла биржи труда и курсы для обучения ремеслам. В Сараево существовали следующие курсы: технические, электротехнические, столярные, бухгалтерские, деловой корреспонденции; в Тузле — электромонтажные. Действовали и курсы сербского языка — в Сараево, Мостаре, Баялуке, Босански-Броде, Дервенте. Всероссийский земский союз открыл в Сараево русскую мастерскую для пошива белья и военной формы (заказ югославской интендантуры), а в Зенице — общежитие для холостяков; в Сараево и Дервенте были открыты столовые. В Сараево это была столовая Российского Красного Креста.

Из объявлений в сараевской прессе 1921 г. наглядно можем себе представить первые заботы пришельцев: «Бывший русский офицер, инженер с супругой — балериной и художницей (без детей) ищет меблированную комнату. Оплачивать ее можем рисованием и уроками балета. Гостиница *Европа*, № 78. — Солодовников.

Русский инженер Евгений Социевич исследовал местность около Фойницы, Високо и Киселяка и обнаружил, что там целесообразно открыть стекольные заводы. Об этом он отправил отчет в Торгово-промышленную палату в Сараево»⁶.

«В воскресенье 14 августа с. г. состоялось открытие лаборатории по производству „Ведалина“, особого лекарства от легочных заболеваний, прошедшего аттестацию в Министерстве здравоохранения. Препарат был запатентован в России, Франции и Германии. Госпожа Имшенецкая, русская, временно поселившаяся здесь, является собственницей этого препарата»⁷.

Старожилы Тузлы и Сараева вспоминают: молочными продуктами в Тузле торговала Татьяна Коковина (или Касьян), а в Сараево — Буланкина. Многие русские в первые годы эмиграции держали столовые, в Сараево — Полчаниновы и Стрельцовы. Сам Стрельцов одно время имел передвижное кино, в Илидже раз-

⁴ См.: Краљевина Југославија: Општа државна статистика: Дефинитивни резултати пописа становништва од 31. јануара 1921. Сарајево, 1932. С. 2–3.

⁵ См.: Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Документы и материалы: В 3 т. М., 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 669.

⁶ Бивши руски официр инжењер; Оснивање индустрије стакала у Босни // Српска ријеч. 1921. 4. март. (Здесь и далее перевод А.Б. Арсеньева.)

⁷ Нови лијек // Там же. 1921. 16. август.

водил клубнику и руководил лотереей в пользу югославских военных инвалидов. Первым клубнику в Сараеве стал разводить и продавать поштучно один адмирал. Некий еврей, служивший в Добровольческой армии, открыл шляпную мастерскую, русский офицер Евгений Иванович Гердт — деревообделочную мастерскую, а донской казак Подгурский — сапожную мастерскую. Прибывший из США Иван Гридасов в Илидже построил дом и небольшое водочное предприятие⁸.

Благодаря предупредительному отношению власти и интеллигенции — митрополита Петра (Зимонича), управления Сербского православного прихода, Народного университета, сербского общества «Просвета», сербского мусульманского общества «Гайрет», директоров школ, штаба дивизии, обществ офицеров запаса и ветеранов⁹ — некоторая недоброжелательность и настороженность населения Сараева к русским была преодолена и большинству удалось получить работу в соответствии с их специальностями и местными требованиями.

Русские офицеры работали в штабах дивизий и в Офицерской артиллерийской школе стрельбы в Сараеве и Калиновике «поденными служащими» (без югославского подданства). В авиационном полку в Райловце (под Сараевом) трудился выдающийся авиатор генерал-майор Иван Степанович Стрельников, а в авиационной школе в Мостаре — несколько русских летчиков и инструкторов полетов. Полковник Владимир Федорович Гушин руководил сараевской метеорологической станцией.

По распоряжению Министерства лесов, вод и ископаемых лесной инженер Валентин Телесфорович Шацкий (1871–1929) проводил генеральную ревизию лесного хозяйства Боснии и Герцеговины. На лесопосадках в окрестностях Сараева трудился инженер Петр Тумим (в первую очередь на горе Требевич). Лесными инженерами работали: в Тузле — Кирилл Михайлович Геевский, Самодуров, Владимир Дермитасов, Александр Николаевич Неймирок, в Баялуке — Николай Федорович Букин, в Дрваре — Калигринов, Павел Иванов, Владимир Бирюков, Даниил Скиба, Анатолий Лукьянович, Николай Луговой, Федор Перекопский. Видный вклад в развитие лесного хозяйства Боснии внесли молодые лесные инженеры, выпускники Загребского университета 1920–1930 гг., получившие работу в Боснии и Герцеговине (см. приложение 1).

В горной промышленности Боснии русские инженеры оказались востребованными специалистами, в особенности в 1920-е гг. На угольном руднике Крека трудились горные инженеры Константин Коковин, Леонид Васильевич Лукашин, Георгий Подурец, Глеб Скурский, Константин Михайлович Тимошок, Александр Тарасов и Владимир Александрович Тимофеев, на руднике Лауш — Сергей Николаевич Павлов. Позднее выпускник Белградского университета Эдуард Альбертович Штейн стал управляющим угольным рудником (предположительно, в Турбе).

Краевед Баялуки З. Мачкич упоминает видных лесоводов Николая Попёнова, Алексея Сергеевича Левшина, Сергея Лазарева, Владимира Хворостина, строительных инженеров Павла Витольдовича Дыдзинского,

⁸ Сообщения В.Н. Мантулина и Р.В. Полчанинова автору.

⁹ См.: Белоэмиграција у Југославији 1918–1941 / Приредили Др Тома Миленковић и Др Момчило Павловић: У 2 т. Београд, 2006. Т. 2. С. 232–233.

Александра Львовича Мордвинова, Виктора Сидненко, Петра Александровича Поповиченко, Вартана Асатурова, архитекторов Николая Федорова, Виктора Зелинского, агрономов Виктора Беляева и Николая Фатеева, гидроинженера Александра Александровича Ершова, врачей Екатерину Александровну Рыбкину-Мурзу, Павла Прегль-Березовского, Спиридона Бородина, Георгия Ивановича Елатанцева¹⁰.

В Сараеве, Травнике, Требинье, Мостаре, Тузле и Банялуке на руководящих постах при госпиталях армейских областей и в дивизиях трудились русские военные врачи — Сергей Квинтилианович Софотеров, Михаил Максимович Нагорный, Александр Гавсеев, Александр Яковлевич Мурза, Александр Кузьмич Европин, Владимир Иванович Лютов, Николай Леопольдович Пакарин, Дмитрий Дмитриевич Вершинин, Николай Устинович Дерюгин, Николай Перов, Василий Кекало, Анатолий Румянцев, Александр Шефтельзон, Михаил Сидоренко-Усатый, Петр Васильевич Лапатанов, Сергей Семенович Трегубов.

Военный врач Евгений Иванович Шерстнев, позднее врач на штатской службе, стал начальником отдела по статистике здравоохранения в Сараеве. Своей теоретической и практической деятельностью он внес видный вклад в усовершенствование здравоохранения в Боснии и Герцеговине.

В межвоенный и послевоенный период русские врачи практиковали во многих городах Боснии и Герцеговины (см. приложение 2).

Русские преподавали почти во всех средних учебных заведениях Боснии и Герцеговины (см. приложение 3). В Сараеве также они были приняты преподавателями в Православную духовную семинарию (Василий Михайлович Скворцов, Владимир Андреевич Тимофеев, Николай Николаевич Пашутинский, Николай Андреевич Яковлев, Борис Яковлевский, Борис Константинович Селивановский, Владимир Страдницкий, Иннокентий Анисимов)¹¹ и даже в шариатскую гимназию.

Русские являлись и представителями иностранных фирм с капиталовложениями в Боснии и Герцеговине. Сергей Арефьев был директором английского рудника пирита и серебра в окрестностях Сараева, ротмистр Герман Германович Стенбок-Фермор состоял секретарем британского консульства в Сараеве.

Русские эмигранты в Сараеве составляли почти весь штат Государственной статистики — учреждения, систематизировавшего результаты первой переписи населения и имущества Королевства СХС, проведенной в 1921 г. В Финансовом контроле, банках и на прочих административных работах русские были приняты на работу на гонорарной основе или по контракту (на год или меньше). Некоторые из них позднее занимали высокие посты государственных прокуроров, начальников округов, советников при региональных («банских») управлениях и чиновников полиции (в Сараеве — полковник Баторский, Петр Соколов, в Банялуке — Николай Николаевич Богаевский, Сергей Гембачев, в Босанска-Крупе — Владимир

¹⁰ См.: *Мачкић* З. Устав Матице руске у Бањалуци // Гласник Удружења архивских радника Републике Српске (Бањалука). 2009. Бр. 1. С. 489–502.

¹¹ См.: Српска православна богословија у Сарајеву: Извештаји за школске 1930/31. — 1939/40. године. Сарајево, 1931–1940.

Криун)¹². В Мркониц-Граде казначеем в городском управлении служил Николай Балабанов, в Сараеве в епархиальном суде — Георгий Васильевич Ниценко, а в полиции — Арсений Боремович, Коротков, Петр Круглевский, Георгий Петрович Ламзаки, Всеволод Иванович Острожинский (был судьей в Прняворе и Банялуке).

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

Вклад русской эмиграции в Боснии и Герцеговине заметен в сфере культуры — искусства и науки.

В сараевском Национальном театре режиссерами работали Александр Александрович Верещагин (1885–1965), Александра Лескова-Верещагина (1891–1933), Юрий Львович Ракитин (1882–1952), Вера Мильтиадовна Греч (1893–1974) с супругом Поликарпом Арсеньевичем Павловым (1885–1974), Александр Илиодорович Сибиряков (1868–1936), но главным образом — его супруга Лидия Васильевна Мансветова (1893–1966), которая с 1926 по 1946 г. на сараевской сцене поставила до 50 пьес и играла в них. Помимо русского классического репертуара она ставила драмы Л. Пиранделло, Ю. О’Нила, М. Крлежи, К. Чапека, И. Самоковлии, Д. Фельдмана, а также оперетты. В театральный репертуар Лидия Васильевна включала и спектакли для детей. Кроме нее на сараевских подмостках играли русские актрисы Мария Жегалова-Знаменская, Елена Владимировна Лукателла-Маньковская (1903–?), Ирина Йованович (1906–1990) и Ирина Петровна Астрова (1909–1958). Несколько театральных сезонов в Сараеве трудился художник сцены Алексей Владимирович Топорнин. В балете выступали молодые русские силы: Елена Виноградова, Всеволод Небо, Асим Буква, Алексей Юденич¹³. Свои последние годы жизни в этом городе прожил выдающийся русский художник, академик живописи Николай Дмитриевич Кузнецов (1850–1929), портретист П.И. Чайковского, Ф.И. Шаляпина и др., а также и художник Илья (Ибрагим) Ахметов.

В 1930-е гг. в банялукском театре художественными руководителями и режиссерами были А.А. Верещагин, позднее — Александр Филиппович Черепов (1892–1946?), одновременно выступавший и как актер. Актрисами были И.П. Астрова и Ираида Комаревская; художником сцены — Юрий Дриженко (1912–1944). В этом уютном городе и его живописных окрестностях русские архитекторы проектировали или надзирали строительство общественных и жилых зданий, храмов, семейных вилл и охотничьих домов: Григорий Иванович Самойлов (1904–1989), Евстафий Игнатъевич Мамуков (1891–1976), супружеская пара Медведевых — Александр Иванович (1900–1984) и Ксения Петровна (1905–2000)¹⁴, Зоя Петровна

¹² См.: Белоемиграција у Југославији 1918–1941. Т. 1. Београд, 2006. С. 145.

¹³ Подробнее см.: Narodno pozorište Sarajevo 1921–1971. Sarajevo, 1971; *Lešić J.* Sarajevsko pozorište između dva rata. Sarajevo, 1976.

¹⁴ См.: *Медведев М.А.* Архитектор Александр Медведев и его роль в зарождении архитектуры модернизма в Сербии в 1930-х гг. // *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья.* СПб., 2008. С. 377–378; Сообщения Николая Федоровича Букина (Нови-Сад) и Михаила Александровича Медведева (Ниш) автору.

Думенгьич-Непенина (1904–2000)¹⁵. Фасады монументальных зданий в Сараеве и Баялуке (Ипотечный банк) рельефами и скульптурами украсил скульптор и художник Владимир Павлович Загороднюк (1889–1976)¹⁶. Часть икон иконостаса и стены нового православного собора Св. Троицы в Баялуке расписал фресками Петр Петрович Сухачев.

Основателем и регентом известного по всей стране хора «Девушки с Неретвы» в городке Коньниц был Сергей Сергеевич Беляев. Хор просуществовал 25 лет, объездил многие страны Европы, США и Канады.

Многие годы куратором Государственного музея в Сараеве был Дмитрий Николаевич Сергеевский (1886–1965), специалист по римским археологическим находкам на территории Боснии и Герцеговины. Он являлся автором ценных научных работ о раскопках в окрестностях Ливно, Прекае, Зеницы, Устиколыны, Рогатицы, Яйце, Шипово, на полях Гламоч и Ливно¹⁷. Современный российский историк об этом ученом пишет так: «Ученик профессоров европейского уровня: по классической филологии Ф.Ф. Зелинского и по античной археологии М.И. Ростовцева историко-филологического факультета Московского университета... полевой археограф, топограф, эпитафист и нумизмат, в межвоенный период практически единственный сотрудник Отдела античной археологии Государственного музея в Сараеве, — Сергеевский ездил по Боснии и Герцеговине, локализуя античные памятники и приобретая для музея новые экспонаты. Продолжая традиции археологической школы Н.П. Кондакова и М.И. Ростовцева, Сергеевский одним из первых в Югославии обратился к исследованию культурного наследия Боснии и Герцеговины периода античности. Он является виднейшей фигурой антиковедения в Югославии»¹⁸.

Бывший секретарь Министерства иностранных дел России (отдел Афганистана, Бухары, Индии, Китая и Персии), секретарь российского посольства в Константинополе востоковед Алексей Акимович Олесницкий (1888–1943) в эмиграции занимался сбором и научной обработкой турецких, арабских и персидских рукописей на просторах Боснии и Герцеговины. Благодаря знанию восточных языков, Ближнего Востока, а также дипломатической тактичности Алексею Акимовичу как сотруднику и хранителю коллекции восточных древностей при Югославянской академии наук и искусств в Загребе удалось спасти или выкупить у частных лиц ценные рукописи. До 1935 г. он приобрел более тысячи рукописей. По количеству древних восточных рукописей, кодексов, редкостей и по их достоинству загребская коллекция весьма заметна в Европе. Олесницкому приписывается заслуга и в общем развитии югославской ориенталистики¹⁹.

¹⁵ См.: Hrvatski biografski leksikon. Svezak 3. Zagreb, 1993. S. 702.

¹⁶ Сообщение Т.В. Пушкадия-Рыбкиной автору.

¹⁷ См.: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931. Вып. 1. С. 281; Белград, 1941. Вып. 2, ч. 1. С. 298.

¹⁸ Колобов А.В. Дмитрий Сергеевский — исследователь античного прошлого Боснии и Герцеговины // Античность и средневековье Европы: Сб. межвузовских трудов. Пермь, 1998. С. 126–129.

¹⁹ См.: *Ždralović M. Aleksej Olesnicki i Orijentalna zbirka Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti (u povodu 30. godišnjice smrti A. Olesnickog)* // Radovi Arhiva JAZU. Sv. II. Zagreb, 1973. S. 87–110.

С 1946 г. в Сараеве развернула свою деятельность пианистка и педагог Татьяна Дмитриевна Картель (1912–?). Особо отмечена ее роль в исполнении и популяризации музыкальных произведений боснийско-герцеговинских композиторов. С 1948 г. музыкальным редактором Сараевского радио и преподавателем теоретических предметов в музыкальном училище в Сараеве был композитор и педагог Николай Николаевич Петин (1919–2004). Музыкальным редактором программ классической музыки Сараевского радио была выпускница Музыкальной академии по классу пения Ирина Георгиевна Балжаларская, в замужестве Лубардич. В городах Тузла и Биелина художественной и педагогической деятельностью занимался скульптор и живописец Иван Степанович Лукомский (1897–1965), а в городе Ливно — Павел Зиновьевич Житецкий (1896–?), художник и иконописец.

После Второй мировой войны в Сараеве был основан юридический факультет. Первым деканом и профессором был назначен выдающийся белградский ученый-медиевист Александр Васильевич Соловьев (1890–1971). Деканом и профессором агрономического факультета был академик-педолог Николай Аполлинарьевич Здановский (1895–1973), замдекана и профессором фитопатологии и микробиологии — Игнат Ильич Побегайло (1899–1960), профессором земледелия — Сергей Ломейко (1897–1975)²⁰, директором Института биологии — зоолог Владимир Эммануилович Мартино. Видным энтомологом в Сараеве была София Владимировна Огнева. Ординарным профессором технологических факультетов в Сараеве и Тузле был химик Кирилл Алексеевич Елачич (1915–2002), профессором строительного факультета в Сараеве — Георгий Николаевич Соловьев (1899–1979), строительного факультета в Сараеве и машиностроительного в Сараеве и Баялуке — Василий Захарович Андреев (1904–1988), профессором горного факультета в Тузле — Константин Михайлович Тимошко (1905–1980).

В Сараеве зоолог-энтомолог Сергей Алексеевич Берников создал Институт по борьбе с малярийными комарами. Обнаруженный им новый вид комара он назвал «Мартино» в честь зоолога В.Э. Мартино. В 1945 г. он был арестован Смершем, увезен в СССР и осужден. В заключении С.А. Берников продолжил свою научную деятельность в Средней Азии²¹.

Какой видели Боснию и Герцеговину старшие представители русской интеллигенции? Интересные наблюдения и впечатления о Сараеве 1924 г. сохранились в опубликованной путевой заметке театрального режиссера Юрия Львовича Ракитина, приехавшего в этот город: «На днях исполнилось ровно десять лет, как сербский патриот Гаврило Принцип пустил пулю в австрийского наследного принца Франца Фердинанда. И это случилось здесь, на этом узком небольшом мосту через мелкую каменистую речку. Я стою сейчас, тихой ночью перед историческим местом, *откуда все началось*, а в душе раскрывается какая-то особая психологическая археология. Шумит бесстрастно река, скользит лунный бубен по перистым облакам-барашкам над белыми минаретами, над садами, создавая чисто сказочный, восточный театральный ансамбль во вкусе наших старых художников-романтиков.

²⁰ Trideset godina Poljoprivrednog fakulteta u Sarajevu 1947–1977. Sarajevo, 1977. S. 34.

²¹ Сообщение Р.В. Полчанинова автору.

В *каванах-баишах*, по ту сторону реки, далеко поют цыгане, а здесь, за моей спиной, вдруг неожиданно поднялось жалюзи, вспыхнуло электричество, засмеялись женские голоса и кто-то забарабанил модный *fox-trot*.

Две культуры — Азия и Европа, искусственно соединенные этим *мостом вздохов*. Старая австрийская культура: огромные великолепные здания, асфальт, чудесные магазины, а рядом с этим турецкие живописные клетки с решетками. Повсюду кладбища. Вот где невольно привыкаешь к мертвецам. Они повсюду, и в парках, и в палисадниках, и на улицах. Точно грибы торчат повсюду из земли белые каменные колонки с чалмами, фесками, с завитками-изречениями из Корана.

Запад вплотную подошел к Востоку, навалился на него, а на вид еще церемонится, еще уважает. Политика старой Австрии: всякие привилегии магометанскому населению и страшный гнет для сербов. Зато теперь понемногу и сербы вступают в свои права. В театре играют на *иекавицине* (один из диалектов сербского языка. — А.А.), выходят две сербские газеты, и на всех бесчисленных казармах, больницах красуется имя королей Петра или Александра. Главная торговля в руках испанских евреев, *шпаньолов*.

Интересно отметить, что и русские здесь устроены много лучше, чем в Белграде. Огромную популярность и практику имеет здесь наш известный петербургский доктор лейб-педиатр высочайшего двора Иван Павлович Жегалов, друг почти всех артистов, так называемый *Ванечка Жегалов*, великолепный исполнитель романсов. Здесь он также и театральный доктор, а жена его играет на здешней сцене.

Бывший управляющий кабинетом его величества ген.-лейт. Евгений Николаевич Волков организовал здесь, на Илидже, большое лесное предприятие, где работает много русских.

Думал ли я там, в Петербурге, приходя каждое 20-е число за жалованьем во флигель Аничковского дворца, что буду гостить у самого управляющего Императорским кабинетом, и где — в боснийских горах, на лесопильном заводе!

Думали ли мы все тогда, что выстрел Принципа разбросает нас по всему миру, по всем частям света и отнимет у нас Россию?!»²²

РУССКИЕ КОЛОНИИ

Жизнь в русских колониях Боснии и Герцеговины протекала в рамках многочисленных объединений и культурных кружков.

Председателями русской колонии в Сараеве были генерал-лейтенант Михаил Николаевич Вахрушев (1865–1934); после него (до 1934 г.) — полковник Леонид Николаевич Новосильцов (1872–1934), бывший член I Государственной думы, кадет, депутат от Калужской губернии; затем генерал-майор Николай Владимирович Запольский (?–1945). Последним председателем в Сараеве оказался капитан Владимир Иванович Огнев.

²² *Ракитин Ю.* Откуда все началось // Новое время (Белград). 1924. 31 июля.

Первым председателем колонии в Тузле был избран офицер-улан князь Виктор Семенович Елецкий (получивший должность директора пивоваренного завода), позднее — полковник артиллерии Владимир Алексеевич Милохов (1862–1955), служащий соляных копей.

Первым председателем колонии в Баялуке был литератор и писатель подполковник Василий Михайлович Кашкаров (1863–1937), а последним — инженер-лесовод Евгений Владимирович Антоневиц. Из видных членов этой колонии сербский краевед З. Мачкич выделяет: генерал-лейтенанта Артемия Соломоновича Вартанова (1855–1938), бывшего члена Госдумы Эраста Андреевича Исаева (1859–1922), художника Федора Никитовича Сахно и композитора Рафаила Иеронимовича Арнери.

Единственное отделение «Русской матицы»²³ в Боснии и Герцеговине было открыто в Баялуке 4 ноября 1925 г. Первым председателем был избран В.М. Кашкаров, а последним — инженер Виталий Макарович Рыбкин. Членами ее состояли не только русские, но и местные представители интеллигенции. Помимо работы среди русских баялуцкое отделение организовало курсы русского языка для боснийцев, устраивало лекции и концерты, создало библиотеку, выписывало русские газеты из Белграда и Парижа²⁴.

Обосновавшиеся на местах русские объединялись и создавали свой мир. В Боснии и Герцеговине были созданы кассы взаимопомощи, открылись филиалы:

Общества русских офицеров; с 1925 г. — Русского общевойскового союза (РОВС; Сараево — руководили генерал-лейтенант Михаил Николаевич Вахрушев, генерал-майор Николай Владимирович Запольский; Баялука — руководил подполковник Сергей Михайлович Горбатов; Тузла — руководил полковник В.А. Молохов);

Общества русских инвалидов (Сараево — возглавлял Буяченко);

Союза галиполийцев (Сараево — возглавлял полковник Грабовский);

Корпуса императорской армии и флота (КИАФ);

Русского трудового христианского движения (РТХД; Сараево — руководил Н.М. Петров; Баялука — руководил М.Г. Гортынский);

Русского военного научного института (Сараево — руководил полковник Дробневский);

«Центрального объединения» (Сараево — возглавлял В.В. Сомборский);

Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП) (отделение в Сараеве насчитывало около 30 членов, председателями были: Б.Л. Пятковский, позднее — офицер лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Георгий Александрович Доне; в Тузле — Г.М. Мищенко, поэт Александр Николаевич Неймирок; в Баялуке — Горбатов, Дмитрий Иванович

²³ Общество «Русская матица» возникло в 1924 г. в Любляне. Вскоре в нескольких городах Королевства СХС были открыты ее отделения. Согласно уставу «Русская матица» была культурным обществом, цели которого состояли в том, чтобы содействовать развитию национального сознания русской эмиграции, оказывать помощь в образовании своих членов и объединять русскую эмиграцию на национальной и культурной основе.

²⁴ Подробнее о «Русской матице» в Баялуке см.: Мачкић З. Устав Матице руске у Бањалуци.

Емельянов, в Бихаче — Зинаида Михайловна Полуян, ее муж и сын, Игорь Николаевич Шмитов²⁵);

«Русского сокола» (Сараево, Баялука — старшина Михаил К. Чирко, начальник Виктор Шкурко)²⁶;

Национальной организации русских скаутов-разведчиков (НОРС-Р; возглавлял О.И. Пантюхов, США)²⁷;

Национальной организации русских разведчиков (НОРР; возглавлял П.Н. Богданович, Франция); в 1938–1941 гг. существовало звено в Тузле.

Разведческим (подпольным) отрядом в Баялуке в 1941–1942 гг. руководил Георгий Львович Лукин (р. 1922)²⁸.

Членство в благотворительных комитетах, церковном хоре, сестричестве, в офицерских, монархических, культурных и иных кружках отнимало массу времени, энергии, но зато создавало иллюзию прежней жизни. Эмигранты как бы снова становились теми, кем были раньше, забывали свое беженское положение. Они устраивали балы, концерты, готовили любительские спектакли, отмечали

²⁵ В 1941–1943 гг. на оккупированных немцами территориях СССР энтэсовскую работу вели А.Н. Неймирок, Горбатов, чета Полуян и И.Н. Шмитов, сараевцы Б.Б. Мартино, Р.В. Полчанинов, М. Мулич, К. Цыганов и Г.А. Богатырев. (Сообщение Р.В. Полчанинова автору; также см.: *Полчанинов Р.В. Молодежь русского зарубежья: Воспоминания 1941–1951*. М., 2009. С. 28, 38 и др.)

²⁶ См.: *Нова управа Руског сокола // Врбаске новине (Бања Лука)*. 1940. 14. фебруар.

²⁷ Работа скаутов-разведчиков в Сараеве началась в 1931 г. Сначала было создано одиночное звено «Волк» под руководством Бориса Борисовича Мартино (1917–1962). Звено в 1932 г. развернулось в Корниловский отряд под руководством Алексея К. Лебедева. С 1935 г. его начальником был Б.Б. Мартино, с 1937 г. — Ростислав Владимирович Полчанинов (р. 1919), а с 1941 по 1944 г. — боснийский мусульманин, член русской скаутской разведческой организации Эшреф Смаевич. Видным руководителем скаутов-разведчиков был боснийский серб-мусульманин Малик Ибрагимович Мулич, научившийся говорить без акцента по-русски. Будучи одновременно и членом НТС, М.И. Мулич во время войны устроился в Крыму переводчиком, выдавая себя за татарина. Из-за своего русофильства имел неприятности с немецким командованием. Оказавшись в советской зоне оккупации в Германии, был возвращен в Югославию, где стал известным ученым-славистом, профессором Сараевского философского факультета.

С назначением (31 декабря 1935 г.) Р.В. Полчанинова начальником одиночных скаутов-разведчиков в Югославии Илиджа (предместье Сараево), где он проживал, стала центром разведческой работы в провинции Югославии, а Бихач, где проживал Игорь Шмитов, — центром Западного района одиночек.

В 1941 г. в связи с оккупацией и присоединением Боснии и Герцеговины к Независимому государству Хорватия (НДХ) Б.Б. Мартино принял на себя руководство Инструкторской частью, ставшей центром всей подпольной работы НОРС-Р в Европе. В Сараеве он выпустил два письма руководителям (в ноябре 1941 г. и в январе 1942 г.), в которых сообщалось о переходе организации на нелегальное положение. В январе и Б.Б. Мартино и Р.В. Полчанинов покинули Сараево.

Русские скаутские руководители Максим Владимирович Агапов-Таганский (1890–1973) и Иван Алексеевич Гарднер (1898–1984) летом 1925 г. провели около Пазарича, у подножья боснийской горы Белашница первый курс для югославских руководителей «извидников» (разведчиков) Боснии и Герцеговины. Там для курсов был взят девиз «Будем как солнце!» (слова из стихотворения К. Бальмонта). Ученики и последователи Агапова-Таганского, Мартино и Полчанинов, провели в 1940 г. на том же месте Третий русский бойскаутский курс для руководителей. Необходимо отметить, что и сегодня по этим программам проводятся курсы для руководителей как в зарубежье, так и в России (сообщение Р.В. Полчанинова автору).

²⁸ О подпольной работе русских скаутов в Баялуке см.: *Полчанинов Р. Молодежь русского зарубежья*. С. 50–52.

юбилеи, принимали заезжих гостей и знаменитостей, выписывали русские газеты. В определенные дни недели русские любили сходиться поиграть в карты, лото, шашки, шахматы. Так создавались не только кружки единомышленников, но и гнезда всяких пересудов, сплетен. В русских клубах, при церкви или русских столовых они назначали друг другу свидания, оставляли письменные поручения, узнавали и обсуждали местные новости.

Родившаяся в Сараеве Ирина Георгиевна Балжаларская вспоминает свои юные годы: «Росла я в многонациональной и двуязычной среде. Ходила в русскую школу, пела в русском храме, читала русских и иностранных писателей по-русски. Книги брала в библиотеке, созданной из книг, которые русские эмигранты привезли в своем багаже. Дружила с соседскими детьми на сербском языке. Так было до моего поступления в гимназию, где главным языком стал сербскохорватский язык, а родным остался русский, интимный.

Раз в неделю две-три русских семьи встречались из-за того, что следовало после ужина (вареный картофель и засоленная рыба, чай, ложечка варенья, иногда глоток фруктовой водки домашнего приготовления): из-за воспоминаний, призывов прошлого и сохранения отражений своей духовной жизни в зеркале времени. Некий призрак, во всех времена дающий эмигранту силу перенести тяжелое и сложное приспособление к беженской жизни. Настойчивое стремление соприкоснуться к матери-родине, из чего питаются новые силы для ежедневного быта и воспитания поколения, рожденного при новых условиях.

Во мне создавалось чувство принадлежности, общности. То было моим первым знакомством с живым русским художественным словом, встречей с русским романсом, рассказом. Зарождалась любовь к далекой, неведомой России. Энергия, создававшаяся на этих вечерах, омолаживала собравшихся мужчин и женщин и переносилась на меня»²⁹.

Постепенно русские приобщались и к местному обществу: пели в церковном хоре при сербском храме, вступали в шахматные клубы. Членами Баянлукского шахматного клуба были: Иван Спиридонович Яготинцев (1898–1957), Борис Александрович Боев (1896–1969), Николай Александрович Белонин (1903–?), Александр Львович Мордвинов (1892–1978), Иван Киров (1882–?), Павел Витольдович Дыдзинский (1897–1959), Александр Александрович Ершов (1893–?)³⁰.

Можно предположить, что испытывали русские, непосредственно по прибытию в «экзотическое» Сараево: «Православный собор в центре Сараева был построен еще при турках, с 1862 по 1872 год, при сильном сопротивлении местных мусульман. Замечательный четырехъярусный иконостас (более 50 икон) был создан русскими иконописцами Троице-Сергиевой лавры и подарен сербам. В первом ярусе следует отметить большую икону св. князя Александра Невского»³¹. Основные средства на постройку этого храма пожертвовал сам император Александр II.

²⁹ Балжаларски-Лубардић И. Симетрије времена. Бањалука, 2005. С. 52–53.

³⁰ См.: Маџкић З. Banjalučki šahovski klub — spomenica 1926–1940. Banjaluka, 2009. S. 90–267.

³¹ Полчанинов Р. У сербов в Сараеве // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1990. 6 февр.

До 1929 г. сараевские русские ходили в русский храм Св. Александра Невского при Русском кадетском корпусе. В 1932 г. по приезде в Сараево священника Алексея Крыжко (1885–1976) были созданы русский православный приход и храм. Снято в аренду пустовавшее помещение бывшей мастерской (в доме по улице Деспича, д. 6, ныне улица Огньена Прице). Церковными старостами избирались Сергей Алексеевич Берников и Борис Петрович Викентьев, казначеем — Алексей Николаевич Богатырев. Регент Ксения Петровна Комад собрала церковный хор из молодежи. Сараевское сестричество возглавляла Вера Бартенева при секретаре Надежде Барановой, позднее — Елена Николаевна Пелипец. Р.В. Полчанинов пишет: «Никакого церковного имущества не было. Все надо было либо покупать, либо делать самим. Нашлись добровольцы, сделавшие иконостас. Все иконы были написаны художником Чоглоковым. Он был большим поклонником о. Алексея и, написав икону св. Владимира, крестящего киевлян (по Васнецову), одному человеку в толпе придал черты лица о. Алексея»³².

«После трагической гибели короля Александра I (в 1934 г. в Марселе. — А.А.) в церкви на пожертвования был установлен большой киот до самого потолка с двумя иконами — св. Александру Невскому, в честь которого был назван король Александр, и свят. Николаю, в честь которого был назван русский царь-мученик Николай II. Киот был с двумя резными дубовыми колоннами, увенчанными двуглавыми орлами России и Югославии»³³.

Сдвоенную икону писал известный иконописец барон Николай Богданович Мейндорф (1888–1969), а киот и лампы выполнены по рисункам генерал-майора Василия Федоровича Баумгартена (1879–1962). Освящение киота состоялось 6 октября 1935 г.³⁴ Через два года после Второй мировой войны этот киот с иконами был перевезен в Белград и установлен в русском храме Св. Троицы. Русский домовый храм в Сараеве в 1933 г. посетил Святейший патриарх Сербский Варнава, а в 1938 г. первоиерарх Русской церкви за рубежом митрополит Анастасий.

При больших колониях в Боснии и Герцеговине возникали детские сады, амбулатории, зубоорудные кабинеты (Российского общества Красного Креста или частные), библиотеки, русские столовые. Р.В. Полчанинов вспоминает: «В начале 1931 г. приехавшие учителя Владимир Пелипец и его супруга Елена Николаевна основали воскресную школу. <...> Его супруга очень скоро стала активным членом сестричества и таким образом приобрела много знакомых среди русских сараевцев. Знакомство с председателем русской колонии дало возможность В. Пелипцу основать при библиотеке колонии *Устную газету*. Следующим его начинанием было создание Югославянско-русской лиги, целью которой было, с одной стороны, сближение русских с югославянскими общественными деятелями, а с другой стороны — подготовка к пушкинскому юбилею — 100-летию со дня смерти в 1937 г.»³⁵

³² Полчанинов Р. Русские в Сараеве // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 341.

³³ Он же. Русский православный приход в Сараеве // Православная Русь (Джорданвилль). 2009. № 8. С. 15.

³⁴ См.: В.Б. Памяти убитых монархов // Рубеж (Харбин). 1936. 4 июля.

³⁵ Полчанинов Р. Русские в Сараеве. С. 341.

Следующий отрывок из газетной статьи ярко характеризует общественную жизнь русских в Баялуке: «С началом зимнего времени возобновила свою деятельность сокольская школа для детей и подростков. Отечественную историю преподает брат Б.С. Яковлев, обращая особое внимание на проповедь любви к России и своей национальности, воспитывая в молодежи сокольский дух и дисциплину. <...> Удалось расширить помещение, занимаемое обществом Русского Сокола и другими. Таким образом, теперь имеется большая комната для докладов, собраний и вечеринок и вторая комната — библиотека Русской Матицы. Каждую субботу Сокол устраивает вечеринки. <...> Были сделаны доклады: “Наш долг перед Россией”, “Причины крушения Белой Армии” и “Задачи русской эмиграции”. Организована *Устная газета*, дан сокольский годовой концерт, который прошел блестяще как в художественном, так и в материальном отношении»³⁶.

Русская начальная школа и детский сад в Сараеве были основаны Земгором. В доме на набережной (Обала Степе Степановича, д. 22) в трех помещениях размещались дети дошкольного возраста, младшие и старшие ученики. Начальницей школы была Вера Яковлевна Велиогорская (до 1928 г.), а детского сада — Вера Михайловна Опокова. Французский язык преподавала Лидия Карловна Ротштейн³⁷. В Дервенте первые годы существовала «школьная группа».

В Сараеве не обошлось без местных поэтов. С ними встречался и проездом гостивший в этом городе поэт Игорь Северянин. В Эстонии он содействовал публикации сборника лирики Валентины Васильевны Берниковой (1902–1983), своей восторженной почитательницы³⁸. В.В. Берникова, дочь профессора сараевской духовной семинарии В.М. Скворцова, училась в Петербурге и Париже, в Сараеве преподавала французский язык³⁹.

Сам Игорь Северянин не оставался равнодушным к красотам пейзажей Боснии и Герцеговины:

ДРИНА

В.В. Берниковой

О ядовито-яростно-зеленая,
Текущая среди отвесных скал,
Прозрачна ты, как девушка влюбленная,
И я тобою душу оплескал!

А эти скалы, — голубые, сизые,
С лиловостью, с янтарностью, в дубах

³⁶ Хроника // Пути русского сокольства (Белград). 1938. № 6. С. 5.

³⁷ Подробнее о русских и о русской школе в Сараеве см.: *Полчанинов Р.* Мы, сараевцы // Новый журнал (Нью-Йорк). 2010. № 259. С. 304–361.

³⁸ *Берникова В.* Хрупкие цветы: Лирика. Нарва, 1934.

³⁹ Подробнее о взаимоотношениях Игоря Северянина и В.В. Берниковой см.: *Плюханов Б.В.* «Валентине Берниковой — Игорь Северянин» // Таллин. 1988. № 1. С. 110–114.

С проржавленной листвою, — бросают вызовы
Вам в городах, как в каменных гробах!

Ведь есть же мощь, почти невероятная,
Лишь в сновиденьях мыслимая мощь,
Взволновывающая и понятная,
И песенная, как весенний дождь!

Ведь есть же красота, еще непетая,
Способная дивить и восторгать,
Как эта Дрина, в малахит одетая,
Как этих скал застывшая пурга!

Босния, Горажда. 15 янв. 1931 г.⁴⁰

Молодым поэтом в Сараеве был Георгий Алексеевич Богатырев (р. 1922), выпустивший в 1946 г. два сборника стихотворений под псевдонимом Мечтатель. Юные Б.Б. Мартино, Р.В. Полчанинов и А. Суков не были поэтами, но песни на их слова пелись разведчиками в 1930-е гг. Эти песни поются и сегодня как в зарубежье, так и в России. В 1992 г. Р.В. Полчанинов опубликовал их в виде сборника «Мы — сараевцы и наши песни».

Среди ценных изданий русской эмиграции в Боснии и Герцеговине следует отметить «Вестник военных знаний», журнал, выпускаемый в Сараеве с 1929 по 1935 г. (всего вышло 23 тетради). Редакторами состояли полковник Генштаба Константин Константинович Шмигельский (1890–?) и генерал-лейтенант Евгений Федорович Новицкий (1867–1931). Оба были служащими Офицерской артиллерийской школы стрельбы в Сараеве. Председателем сараевского филиала Русского военно-научного института состоял полковник Дробневский.

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

На просторах Боснии и Герцеговины обосновались два русских кадетских корпуса, разными путями эвакуированные с юга России.

В марте 1920 г. казармы им. короля Петра I Освободителя в центре Сараева (бывшая австрийская казарма им. Франца Иосифа) заняли 263 кадета и 40 членов персонала, преподавателей и воспитателей Русского кадетского корпуса, основанного генералом П.Н. Врангелем в Крыму. В 1925 г. к ним присоединились еще 35 кадет, прибывших из Шанхая. Директором корпуса состоял генерал-лейтенант Борис Викторович Адамович (1870–1936)⁴¹.

⁴⁰ Северянин Игорь. Адриатика: Лирика. Нарва, 1932. С. 4.

⁴¹ Подробнее см.: Русские кадетские корпуса за рубежом: 1920–1945: Издание Объединения кадет российских зарубежных кадетских корпусов. Нью-Йорк, 1970. С. 321–502; Гурковский В.А. Российские кадетские корпуса за рубежом. М., 2009. С. 154–228.

Р.В. Полчанинов вспоминал: «Жители Сараева встретили русских кадет не дружелюбно. Еще недавно здесь правили австрийцы, насаждавшие ненависть к русским. Вернувшиеся из русского плена солдаты симпатизировали большевикам и ненавидели белых. Только отдельные офицеры Сербской армии старались помочь русским братьям, оказавшимся в беде.

1 августа 1920 г. по случаю окончания занятий и отправки 50 кадет-выпускников в Крым был устроен бал, на который были приглашены представители военных и гражданских властей города. В сентябре Сараево посетил королевич Александр, сам когда-то учившийся в России в Пажеском кадетском корпусе. Корпус принял участие в параде. Среди генералов, принимавших парад, был и директор корпуса генерал Адамович, с которым не только королевич, но и большинство свиты говорили по-русски. Во время парада, когда кадеты прекрасно прошли перед королевичем, офицеры свиты, а за ними толпа стали кричать: *Да здравствует Россия! Да здравствуют русские кадеты!*

С тех пор отношение жителей Сараева к кадетам переменялось. Некоторых кадет, у которых в городе не было ни родных, ни знакомых, местные жители стали приглашать по воскресеньям в гости. Ни в одном городе Югославии русские не бросались в глаза так, как в Сараеве, благодаря кадетскому корпусу. Иногда, по воскресеньям, кадетский оркестр играл в парке царя Душана. Ни один парад не обходился без участия кадет и кадетского оркестра. Получить приглашение на кадетский бал считалось привилегией. Слава о кадетском корпусе как о замечательной школе быстро распространилась среди местного населения. <...> Офицеры, служащие корпуса, ходили в русской форме не только в стенах корпуса, но и в городе. Корпус, можно сказать, был одной из достопримечательностей Сараева»⁴².

Дисциплинированные кадеты в своих казармах и в общественных местах давали концерты хоровой музыки, спектакли, устраивали литературные вечера, демонстрировали гимнастические (сокольские) упражнения.

Режиссер Ю.Л. Ракитин в 1924 г. посетил Русский кадетский корпус в Сараеве. «Сотни наших мальчиков и юношей воспитываются там под опытной и любящей рукой генерала Адамовича, старого русского военного педагога. Я имел удовольствие побывать здесь этой зимой во время моих гастролей в здешнем театре. Мне хотелось доставить кадетам удовольствие, и я целый вечер читал им. Читал им также стихи из их сборника. Я просил показать одного из авторов, поднялся один малыш, пожал мне руку. Генерал Адамович водил меня повсюду и показывал. Я на каждом шагу убеждался, что может сделать дисциплина, порядок, а главное — любовь, согревавшая эти неуютные, холодные казармы нашими старыми и молодыми русскими сердцами. Это оценил бывший одновременно со мной ревизор, профессор Колюбакин, а теперь весной и министр народного просвещения г. Прибичевич, благодаривший генерала Адамовича»⁴³.

5 сентября 1929 г. этот корпус переехал в Белую Церковь (г. Бела-Црква, Банат). Умерших чинов кадетского корпуса и кадетов хоронили на Старом военном клад-

⁴² Полчанинов Р. Кадеты в Сараево // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1984. 8 апр.

⁴³ Ракитин Ю. Откуда все началось. С. 2–3.

бице в Сараеве, на отдельном «кадетском участке», с отдачей воинских почестей. На этом участке хоронили и членов сараевской русской колонии. Тут возвышался из розового мрамора крест с надписью: «Мир вам». На могилах корпусников устанавливались надгробные плиты цвета розового гранита с рельефным изображением на них креста ордена Св. Александра Невского и высеченными именами и данными о почивающих. За период 1920–1940 гг. было похоронено семь чинов корпуса и девять кадет. У подножия общего памятника в виде креста был погребен устроитель и первый директор корпуса генерал-лейтенант Б.В. Адамович⁴⁴.

В ноябре 1921 г. в герцеговинском городке Билеча, в бывшем австро-венгерском военном лагере у самых рубежей Черногории разместились воспитанники и персонал Донского императора Александра III кадетского корпуса, несколько сотен кадет. Директорами состояли генерал-майор Александр Иванович Бабкин (1882–1974), а позднее — генерал-майор Евгений Васильевич Перрет (1876–1940). В сентябре 1926 г. этот кадетский корпус переехал в Горажде, в бывший австро-венгерский лагерь (казарма и шесть бараков), расположенный на высоком левом берегу Дрины. Тут он обосновался до своего закрытия в августе 1933 г.

И Донской корпус отлично подготавливал кадет в естественных науках, что позволяло им легко поступить на технические факультеты и в высшие военные училища. Своей выправкой, воспитанностью и разносторонней культурной деятельностью кадеты завоевали любовь и уважение жителей Билечи и Горажде. Впоследствии многие из них окончили факультеты и военные академии в Королевстве Югославия⁴⁵. Приводим одно стихотворение Михаила Николаевича Залесского (1905–1979), кадета 37-го выпуска этого корпуса:

БИЛЕЧА

Часто, часто ночами снится
Серых гор и туманов встреча.
Черногории дикой граница,
Уголок, Богом забытый, — Билеча.

Невеселое новоселье.
Козьи в горах тропинки;
Вьется в утесах ущелья
Пена холодной Требинки.

Зданий пустых массивы,
Прошлого мертвые тени...
Мечется ветер визгливо
В ржавых шипах заграждений.

⁴⁴ См.: Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус: Шестая кадетская памятка — юбилейная. 1920–1940. Белая Церковь, 1940. С. 115–121.

⁴⁵ Подробнее см.: Кадетские корпуса за рубежом: 1920–1945. С. 177–320; Верны заветам старины: Воспоминания кадет Донского корпуса / Под ред. М.К. Бутураева. Madrid, 1974; Гурковский В.А. Российские кадетские корпуса за рубежом. С. 107–153.

А вдалеке, на камнях косогора,
В тени минаретной вышки,
Кучкою белого сора,
Двух улиц жмутся домишки.

В них, освященный веками,
Пограничья суровый быт...
Неслучайно заборов камень
Следы от пуль хранит.

Зимую — дожди и туманы.
Летом — томящая сушь.
Ну ж, уголок поганый,
Воистину — глушь!⁴⁶

ВОЙНА И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В 1939 г. в Сараеве проживало 616 русских, в Баянлуке — 122, в Мостаре — 96⁴⁷. Вторая мировая война, развал Югославии, присоединение Боснии и Герцеговины к Независимому государству Хорватия (НДХ) и разжигание гражданской войны — все это принесло русской эмиграции много несчастий. Кроме того, изменения в политике стали причиной размежевания русских эмигрантов. Каждый выживал как мог. Каждый русский по-разному предвидел исход войны. Русским организациям была запрещена деятельность. Исключением были Русская начальная школа и Русский православный приход в Сараеве.

Новые власти провели инвентаризацию русских колоний в НДХ. В Боснии и Герцеговине в 1941 г. было зарегистрировано 14 колоний и 1562 русских (см. приложение 4).

Русские, ранее принявшие югославское подданство, были призваны в Югославскую армию и попали в германский плен. Лишившиеся работы мужчины призывного возраста были вынуждены отправляться на заработки в Германию, иначе они были бы мобилизованы в Хорватскую армию. Меньшая часть русских, добровольно или по принуждению (случай с казаками), вступила в Русский охранный корпус, сформированный в Белграде в сентябре 1941 г. Его роты и полки были направлены не в Россию, на свержение советского режима, а в глубинку Сербии — охранять от диверсий коммуникации, заводы и рудники. Из Сараева в этот корпус поступило 22 русских, из Тузлы — двое⁴⁸. Некоторые чиновники, служившие в административных учреждениях и полиции в Боснии и Герцеговине,

⁴⁶ Верны заветам старины. С. 546.

⁴⁷ См.: Русская эмиграция в цифрах // Военный журналист (Белград). 1939. № 3. С. 2.

⁴⁸ См.: Uprava državne bezbjednosti (UDB). Elaborat: Beloemigranti u Jugoslaviji u periodu od dolaska (1920–1921. g.) do okupacije (1941. g.). Zagreb, septembra, 1950. I. poglavlje, S. 81; II. poglavlje, S. 20. (Частное собрание; машинопись.)

сотрудничали с оккупационными властями. Перед окончанием войны почти все они покинули Балканы. Новая социалистическая власть занесла их в списки военных преступников. Несколько их было арестовано и расстреляно.

Особую судьбу пережила русская колония в Дервенте. Из-за тяжелых жизненных условий в зоне военных действий все ее члены (несколько десятков человек разного возраста) по рекомендации немецких властей на поезде эвакуировались в Вену, а оттуда были отправлены в один из беженских лагерей. Лишь некоторые возвратились в освобожденную Югославию и в итоге попали в следственный изолятор в югославском пограничном городе Суботица. Они были заподозрены в шпионаже⁴⁹.

В течение зимы 1944–1945 г. подразделения Русского охранного корпуса (значительно пополненные русскими из Болгарии и людьми из оккупированной Бессарабии) при отступлении через Срем и вдоль Дрины к Австрии вели ожесточенные бои с партизанами в Боснии — у местечка Челич и города Брчко, как и у местечка Бусовача и города Зеница⁵⁰. (Эти воинские части не следует путать с «черкесами» — отрядами Первой казачьей дивизии, сформированной из казаков с оккупированных территорий на юге СССР и из советских военнопленных, совершивших многие зверства над жителями Срема, Славонии и Боснии.)

Уже в конце апреля 1945 г. русские эмигранты в Баялуке подверглись гонениям: председатели колонии и отделения «Русской матицы» Е.Л. Антоневиц и В.М. Рыбкин были арестованы, и новые власти устроили над ними абсурдный судебный процесс, обвинив в сотрудничестве с хорватскими военными властями. Оба были приговорены к двухлетнему заключению строгого режима. Современный краевед пишет: «Не прошло и пары месяцев, как *баялукских русских* можно было пересчитать по пальцам, так как они разбрелись по другим городам страны (Загреб, Сараево, Белград). Та горсточка оставшихся стала неслышной и невидимой»⁵¹.

Согласно первой послевоенной переписи населения 1948 г. в Боснии и Герцеговине проживало всего 1316 жителей, назвавших себя русскими. Приблизительно половина из них, добровольно или по принуждению, приняла советское гражданство. Однако советские власти не спешили репатриировать их в СССР.

«Резолюция Информбюро» 1948 г. и прекращение югославо-советских партийных и государственных отношений привели к новым репрессиям — к арестам русских эмигрантов и их потомков как ненадежного элемента в стране. Их направляли в тюрьмы или лагерь «Голи оток» (скалистый безводный остров в Северной Адриатике). Также целые семьи русских эмигрантов насильственно переправляли через границу с Венгрией и Болгарией.

Отношение югославских властей к русским обсуждалось на Четвертом заседании Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке в 1949 г.⁵² Почти одновременно в Сараево шел показательный суд над двенадцатью «бывшими белогвардей-

⁴⁹ Сообщение Светланы Романовны Депенлини-Гаин (Нови-Сад) автору.

⁵⁰ См.: Русский корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью-Йорк, 1963. С. 316–336.

⁵¹ *Мачкић* З. Устав Матице руске у Бањалуци. С. 493.

⁵² См.: Четврто заседање Генералне скупштине ОУН // Политика (Београд). 1949. 18, 24, 26. новембар.

цами, агентами гестапо, советскими гражданами, завербованными советской разведкой в Югославии»⁵³. Среди них оказались члены сараевской русской колонии: настоятель русского храма протоиерей Алексей Крыжко, председатель колонии Владимир Иванович Огнев, судья Арсений Боремович, чиновник Петр Соколов, студент юридического факультета Сараевского университета Вадим Александрович Геслер и учительница Ксения Петровна Комад. Они были приговорены к тюремному заключению и принудительным работам (соответственно на 11½, 6, 20, 4, 5 и 3 года)⁵⁴.

В Сараеве также состоялся еще один показательный процесс — над деканом юридического факультета А.В. Соловьевым. В конце 1951 г. он был вынужден со своей семьей покинуть страну⁵⁵.

После Второй мировой войны русские надгробия, включая все кадетские, на Старом военном кладбище в Сараеве были взорваны. Позднее останки русских были собраны в один гроб и похоронены в близлежащей деревне в братской могиле. На могиле установлен массивный памятник из светлого камня с черной мраморной вертикальной плитой, на которой высечено: «Господи упокой сии души»⁵⁶. Один из сараевских старожилов отметил: «В Сараеве несколько старых кладбищ и два новых. Несколько раз кладбища или совсем закрывались, или частично. Кладбище, на котором хоронили кадет, не существует. На его месте давно построен один из сараевских факультетов. Старое православное кладбище “Видовданские герои” два раза сужали. Первый раз в 1981–1982 гг., когда строили объездную дорогу. Вторым раз в 1984 г., расширяя шоссе во время Олимпиады. Часть останков русских с этого кладбища (которых некому было перенести) перезахоронены на Новом кладбище “Баре” в двух больших склепах. В Сербской церковной общине имеют план и там могут, кажется, дать точные сведения о содержании каждого склепа»⁵⁷.

Регулярные переписи населения свидетельствуют о резком уменьшении числа русских жителей в Боснии и Герцеговине: если в 1948 г. их было 1316 человек, то в 1953 г. — 951, в 1961 г. — 934, в 1971 г. — 507, а в 1981 г. — 295⁵⁸.

Новая гражданская война 1990-х гг. на просторах Боснии и Герцеговины не пощадила и русских. Была убита одна русская девушка. Из Сараева, Коньница и Тузлы несколько человек по одному были эвакуированы в Россию, а некоторые русские семейства оказались беженцами в Сербии, Англии, Канаде и США.

⁵³ Пред народни суд у Сарајеву изведени су бивши белогардејци — совјетски грађани који су у совјетској обавештајној служби радили против слободе и независности ФНРЈ // Политика (Београд). 1949. 2. децембар.

⁵⁴ См.: Суд у Сарајеву изрекао је пресуду шпијунско-диверзантској групи Алексеја Крижжа // Политика (Београд). 1949. 10. децембар.

⁵⁵ См.: Аврамович С. Житие и труды Александра Соловьева // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 245.

⁵⁶ См.: Полчанинов Р. Кадеты в Сараеве // Новое русское слово. 1984. 8 апр.

⁵⁷ Письмо Марии Сергеевны Невструевой (Сараево) автору от 3 июня 1991 г.

⁵⁸ См.: FNRJ — Savezni statistički ured: Statistički bilten. Beograd, 1950 Br. 1 S. 18; SFRJ. Savezni zavod za statistiku. Jugoslavija 1918–1988. Statistički godišnjak. Beograd, 1989. S. 44.

Русские лесные инженеры — выпускники Загребского университета, получившие работу в Боснии и Герцеговине⁵⁹

Имена, годы жизни	Год выпуска	Города, в которых удалось найти работу
Алабовский Всеволод (1896–?)	1926	Мостар, Тузла
Антониевич Евгений Владимирович (1898–?)	1921	Банялука
Балковский Александр Андреевич (1889–?)	1926	Тузла
Белонин Николай Александрович (1903–?)	1928	Банялука
Великопольский Иван (1905–1996)	1930	Дрвар
Гордов Александр (1898–?)	1930	Хан-Пиесак
Исаев Иван Петрович (1898–1960)	1925	Вишеград
Кирий Константин Анисимович (1895–1949)	1930	Тузла
Косоногов Павел Федорович (1904–?)	1928	Вишеград, Завидовичи
Левицкий Леонид Павлович (1892–?)	1926	Турбе, Олово, Любинье
Малько Сергей Николаевич (1895–?)	1927	Мостар
Панов Александр Александрович (1900–1982)	1928	Банялука, Бихач, Сараево
Пограничный Александр Дмитриевич (1905–?)	1928	Тузла
Полковников Федор Федорович (1902–1971)	1928	Хан-Пиесак
Поплавский Вячеслав Фаддеевич (1900–?)	1927	Банялука
Шишлов Георгий Васильевич (1898–?)	1930	Оштрель, Дрвар
Яковлев Иван Григорьевич (1903–1997)	1932	Олово, Оштрель

⁵⁹ Использована информация из работ: *Skoko M. Studenti rodom iz Rusije i Ukrajine koji su šumarske znanosti apsolvirali u Zagrebu // Šumarski list (Zagreb). 2006. Br. 5–6; Idem. Rusi i Ukrajinci na studiju šumarstva u Zagrebu i njihov doprinos šumarstvu u Hrvatskoj // Hrvatske šume (Zagreb). 2006. Br. 115–116; Пушкадия-Рыбкина Т. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007. С. 131.*

**Города и села Боснии и Герцеговины,
в которых работали русские врачи — эмигранты (1921–1950-е гг.)⁶⁰**

Города	Имена
Банялука	Нагорный Михаил Максимович, Сплавский Болеслав Петрович, Железнова-Эмних Наталия Георгиевна, Шишлова Екатерина Васильевна, Аристархова Ольга, Максимов Семен Иванович, Борецкая-Чермак Любовь Яковлевна, Косов Борис П.
Беричка (близ Мркониц-Града)	Кочергин Константин Иванович
Биелина	Бородин Спиридон Константинович
Билеча	Павловский Афанасий, Костин Павел
Бихач	Векслер Владимир Михайлович, Сопецько Вера, Кострюков Василий
Босански-Нови	Есенко Сергей
Босански-Свиняр (ныне — Србац)	Елатанцев Григорий Иванович
Брчко	Максимов Евгений
Бужим (близ Бихача)	Арафелов Арсен М.
Велика-Кладуша	Михайлов Сергей
Вишеград	Паталов Иван
Гацко	Костин Павел
Горажде	Гротто-Слепиковский Антоний, Паталов Иван
Двор-на-Уне	Ляхов Николай Николаевич, Елецкий Виктор, Староверова Мария Львовна, Елатанцев Григорий Иванович
Добой	Ошмянский Евгений Константинович
Доньи-Скугрич	Арафелов Арсен М.
Дрвар	Михайлов Сергей Н.

⁶⁰ Использована информация из работ: Краљевина СХС: Алманах. Свезак 1, 1921–1922. Загреб, 1922; Medicinski godišnjak Kraljevine Jugoslavije. Beograd, 1933; Privredni adresar Kraljevine Jugoslavije 1934/35. Lekari. Beograd, 1935; Литвишненко С. Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд, 2007.

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Зворник	Янкиевич Сергей, Горячковская-Дризо Зинаида
Зеница	Марченко Евгений, Косов Борис П.
Илиджа	Котляревский Иван Петрович
Калиновик	Москалев [имя неизвестно] Петрович
Кладань	Черняев Константин Николаевич
Ключ	Черепов Алексей, Длусский Леонид
Костайница	[фамилия неизвестна] Александр Викторович
Кулен-Вакуф	Ласковская София
Личко-Петрово-Село	Соболева-Пстроцкая Вера
Любия	Елатанцев Григорий Иванович
Мостар	Семенченко Владимир Николаевич
Отоци (край Босанска-Крупа)	Бухтеева Мария А.
Прнявор	Ковалева Нина Сергеевна
Прозор	Аврамов Александр Николаевич
Рудо	Паталов Иван
Сански-Мост	Корженевский Николай Генрихович, Люлька Георгий Авксентьевич
Сараево	Жегалов Иван Павлович, Трегубов Сергей Семенович, Меркулов Григорий Михайлович, Войцицкая Полина Александровна, Шведова Вера Дмитриевна, Беляева Тамара Петровна, Картель Дмитрий Иванович, Долматов Алексей Сергеевич, Гурьев Николай Иванович
Сребреница	Шершавицкая Елена Евгеньевна
Теслич	Лотов Александр Николаевич
Тешань	Михайлов Сергей Н.
Травник	Шерстнев Евгений Иванович, Вершинин Дмитрий Дмитриевич, Векслер Владимир Михайлович, Комлик Сергей Макарович
Требинье	Лесовский Павел
Тузла	Сорокин Владимир Терентьевич, Тузиков Михаил, Сидоров Иосиф Иосифович, Лапатанов Николай Петрович, Лаушкин Владимир Леонидович

Цазин	Емельянов Иван, Архангельский Михаил, Михайлов Сергей
Чайниче	Косов Борис, Паталов Иван

Приложение 3

**Русские преподаватели средних учебных заведений
в Боснии и Герцеговине
(1921–1971)⁶¹**

Имена	Города, где велось преподавание	Период работы	Предметы
Акаемов Николай	Мостар	1921–1936	История
Александрович Александр	Биелина	Нет сведений	Нет сведений
Белявский Александр Иванович	Мостар, Тузла	1925–1947	Математика, физика, химия, чистописание
Берникова Валентина Васильевна	Сараево	1930-е	Французский язык
Богословский Владимир Федорович	Банялука	1929–1930	Нет сведений
Бортновский Анатолий Генрикович	Брчко, Сараево	1926–1935	Математика, история, география, чистописание
Булацель Константин	Сараево	1927–1929	Гимнастика
Валериев Павел	Сараево	1931–1932	Педагогика
Волков Василий	Сараево	1926–1938	Детали машин, металлические конструкции, техническое черчение

⁶¹ Данные из неполных комплектов многочисленных годовых отчетов средних учебных заведений Югославии за 1929–1952 гг. (Библиотека Матицы сербской, Нови-Сад).

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Гладкова Наталия Федоровна	Требинье	1940–1946	Нет сведений
Давыдов Александр Михайлович	Банялука	1930–1941	Математика, физика
Дроздовский Вячеслав	Тузла, Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Елужевская Прасковья	Добой	Нет сведений	Нет сведений
Егоров Андрей	Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Житецкий Павел Зиновьевич	Ливно, Приедор	1921–1941	Пение, рисование, чистописание, гимнастика
Золотаренко Николай	Банялука, Сараево	Нет сведений	Нет сведений
Значко-Яворская Галина	Мостар	1944–1949	Нет сведений
Ильин Сергей	Мостар	1936–1940	Нет сведений
Казанцева Елена	Сараево	Нет сведений	Нет сведений
Казнаков Иван	Требинье	1927–1929	Нет сведений
Картель Татьяна Дмитриевна	Сараево, Мостар	1950–1957	Фортепиано
Каубе-Узелац Анна Францевна	Банялука	1941–1944	Нет сведений
Качалов Борис Петрович	Тузла, Банялука	1921–1935	История, география, математика, немецкий язык, французский язык, пение, гимнастика
Качинский Александр	Мостар	1924–1927	Нет сведений
Ковальский Юлий	Тузла	1930–1933	Гимнастика
Космодели Александр Яковлевич	Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Косолап Ольга Михайловна	Тузла	1950-е	Французский язык, русский язык

Костина Антонина	Босанска- Градишка	1925–1932	Биология, французский язык, рисование
Краснов Геннадий	Банялука, Приедор	1930–1938	Пение, гимнастика
Красовский Сергей	Бихач	1925–1939	Нет сведений
Кривошеева Мария	Требинье	1963–1971	Нет сведений
Крутиков Николай Николаевич	Дервента, Бихач	1940–1950-е	Нет сведений
Курагин Владимир	Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Ламзаки Нина Степановна	Тузла	1928–1932	Французский язык
Летучий Яков Александрович	Бихач	1931–1940	Нет сведений
Лукьянов Александр	Тузла	Нет сведений	Нет сведений
Лютов Владимир	Сараево	1930-е	Гигиена
Максимов Иван	Бихач, Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Мантулин Николай Михайлович	Тузла	1930–1931	Пение, теория музыки
Марковская Татьяна	Тузла, Сараево	1929–1940	Французский язык
Мартино Борис Иванович	Тузла, Сараево	1924–1930-е	Французский язык
Матвеев Валерьян	Добой	1945–1955	Русский язык
Мельницкая Клавдия Петровна	Добой, Брчко	1931–1956	Французский язык, история, биология, русский язык, гимнастика, рисование, чистописание

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Мельницкий Игорь Петрович	Добой, Банялука, Брчко	1924–1954	Математика, география, пение, чистописание, гимнастика, русский язык
Меньшова Мирра Николаевна	Тузла	Нет сведений	
Меньшова Ольга	Тузла	1933–1934	Математика, география, чистописание
Нелюбов Николай	Тузла	1945–1950-е	Нет сведений
Нелюбова Ольга	Тузла	1945–1950-е	Нет сведений
Никифорова Мария	Банялука	1951–1955	Нет сведений
Оберемок Виктор Алексеевич	Банялука	1940–1944	Нет сведений
Павловская Любовь Яковлевна	Тузла	Нет сведений	Нет сведений
Павловский Иван Архипович	Тузла	1921–1953	Физика, химия, биология
Пашин Николай	Сараево	1929–1935	Латынь, рисование
Пелипец Владимир	Сараево	1930–1938	История, педагогика, методика, психология, немецкий язык
Пелипец Елена Николаевна	Сараево	1922–1936	Математика, биология
Переплетчикова Ольга Александровна	Тузла	Нет сведений	Нет сведений
Попов Константин	Тузла	1934–1936	Гимнастика
Протопопов Борис Николаевич	Босански-Нови	1928–1941	Нет сведений

Пчельников Владимир Андреевич	Дервента, Банялука	1925–1941	Нет сведений
Пугачева Ольга	Брчко	1923–1924	Стенография
Раздальский Николай	Мостар	1924–1926	Нет сведений
Ракитин Николай Семенович	Сараево, Требинье	1923–1932	Нет сведений
Реймерс-Волынский Константин Константинович	Мостар	1927–1928	Нет сведений
Росницкий Сергей	Требинье, Бихач	1929–1937	Математика, физика, химия
Рудомино Александра Алексеевна	Тузла	Нет сведений	Нет сведений
Рудомино Аркадий Владимирович	Тузла	Нет сведений	Нет сведений
Русанова Зоя	Сараево	Нет сведений	Нет сведений
Рыбкин Виталий Макарович	Банялука	Нет сведений	Нет сведений
Северинов Аркадий	Требинье	1937–1941	Нет сведений
Сергеевский Дмитрий Николаевич	Сараево	1926–1930	Латынь
Сериков Степан Кузьмич	Банялука	1926–1927	Нет сведений
Сидненко Кира	Мостар	1955–1959	Скрипка
Сихвонен Ольга Александровна	Приедор	1933–1941	История, география, французский язык
Сухачев Петр Петрович	Бихач	Нет сведений	Нет сведений
Тимтишин Михаил	Тузла	1920-е	Нет сведений

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Хмель Федот Петрович	Биелина, Добой	1922–1941	Нет сведений
Хоризонтов Владимир	Мостар	1932–1938	Пение
Федоровский Сергей Александрович	Биелина, Тузла	1926–1936	География, биология
Феофилактов Иван Петрович	Требинье, Банялука	1947–1955	Нет сведений
Фирсов Алексей Тимофеевич	Бихач, Банялука	1924–1936	Биология, французский язык
Франтов Александр	Тузла	1922–1932	История, география, латынь, Закон Божий
Шепелев Николай Васильевич	Сараево	1923–1939	Тепловые машины, механика
Шепелева Вера	Сараево	1925–1938	Немецкий язык
Шереметинский Александр	Требинье	Нет сведений	Нет сведений
Шерстнев Евгений Иванович	Травник	1936–1941	Гигиена
Шершавицкая Елена	Тузла	1934–1936	Гигиена
Шпирко Семен Андроникович	Банялука	1930–1935	Нет сведений

**Места нахождения и численный состав русских колоний
в Боснии и Герцеговине в 1941 г.
(в составе Независимого государства Хорватия)⁶²**

Место нахождения	Численность	Предводитель колонии
Банялука	314	Антониевич Евгений, инженер
Бихач	43	Стародубский Александр
Босанска-Дубица	48	Задорожный Семен
Брчко	48	Максимов Евгений, доктор
Добой	16	Толмачев И.
Зеница	42	Проскура Иван
Яйце	26	Гумбур Г.
Какань	15	Гейкинг А., барон, генерал
Мостар	79	Залевский Петр, генерал
Приедор	34	Начманский
Сараево	674	Запольский Николай, генерал
Тешань, Теслич	18	Михайлов, доктор
Травник, Турбе	42	Шмаров Владимир
Тузла	163	Милохов Владимир

⁶² Использована информация из документа: Russische Kolonien im U.S.K. Arhiv Hrvatske (Zagreb). Iz fondova Nezavisne Države Hrvatske. (За предоставление копии документа благодарю Т.В. Пушкадия-Рыбкину.)